

- Penzer N.M.** The Ocean of Story. – L.: Chas. J. Sawyer Ltd, 1924. – Vol. 2. – 375 p.; 1925. – Vol. 4. – 315 p.
- Petitot É.** Traditions Indienne du Canada Nord-Ouest. – P.: Maisonneuve Frères et Ch. Leclerc, 1886. – 521 p.
- Phinney A.** Nez Percé Texts. – N.Y.: Columbia University Press, 1934. – 497 p.
- Powlison P.S.** La Mitología Yagua. – Yarinacocha: Ministerio de Educación, Instituto Lingüístico de Verano, 1993. – 148 p.
- Radin P.** Some Myths and Tales of the Ojibwa of Southwestern Ontario. – Ottawa, 1914. – 83 p. – (Canada Department of Mines, Geological Survey; Memoir 48. Anthropological Series; N 2).
- Ray C., Stevens J.** Sacred Legends of the Sandy Lake Cree. – Toronto: McClelland and Steward, 1971. – 144 p.
- Riggs S.R.** Dakota Grammar, Texts and Ethnography. – Wash. D.C., 1893. – 239 p. – (Contributions to North American Ethnology; Vol. 9).
- Roth W.E.** An Inquiry into the Animism and Folklore of the Guiana Indians // 30th Annual Report of the Bureau of Ethnology. – Wash. D.C., 1915. – P. 26 – 745.
- Russel F.** Myths of the Jicarilla Apache // Journal of American Folklore. – 1898. – Vol. 11. – P. 253 – 271.
- Saint Clair H.H.** Shoshone and Comanche tales // Journal of American Folklore. – 1909. – Vol. 22, N 85. – P. 265 – 282.
- Schmitter F.** Upper Yukon Native Customs and Folklore. – Wash., 1910. – 30 p. – (Smithsonian Miscellaneous Collections; Vol. 56, N 4).
- Schoolcraft H.R.** Algic Researches: North American Indian Folktales and Legends. – Mineola, N.Y.: Dover Publications, 1999. – 270 p.
- Simms S.C.** Traditions of the Crow // Field Columbian Museum. – 1903. – Vol. 2, N 6. – P. 281 – 324. – (Publication 85. Anthropological Series).
- Simms S.C.** Traditions of the Sarcee Indians // Journal of American Folklore. – 1904. – Vol. 17. – P. 180 – 182.
- Skinner A.** Plains Ojibwa tales // Journal of American Folklore. – 1919. – Vol. 32, N 124. – P. 280 – 305.
- Skinner A.** Traditions of the Iowa Indians // Journal of American Folklore. – 1925. – Vol. 38, N 150. – P. 425 – 506.
- Skinner A., Satterlee J.V.** Folklore of the Menomini Indians. – N.Y., 1915. – 546 p. – (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History; Vol. 13, pt. 3).
- Smith D.L.** Folklore of the Winnebago Tribe. – Norman: University of Oklahoma Press, 1997. – 180 p.
- Speck F.G.** Some Micmac tales from Cape Breton Island // Journal of American Folklore. – 1915a. – Vol. 28, N 107. – P. 59 – 69.
- Speck F.G.** Some Naskapi myths from Little Whale River // Journal of American Folklore. – 1915b. – Vol. 28, N 107. – P. 70 – 77.
- Spence L.** North American Indians. – N.Y.: Avenel Books, 1985. – 393 p.
- Stephens A.M.** Hopi tales // Journal of American Folklore. – 1929. – Vol. 42. – P. 1 – 72.
- Swanton J.R.** Tlingit Myths and Texts. – Wash. D.C., 1909. – 351 p. – (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology; Bull. 39).
- Swanton J.R.** Indian Tribes of the Lower Mississippi Valley and Adjacent Coast of Gulf of Mexico. – Wash. D.C., 1911. – 387 p. – (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology; Bull. 43).
- Swanton J.R.** Myths and Tales of the Southeastern Indians. – Wash. D.C., 1929. – 275 p. – (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology; Bull. 88).
- Teit J.A.** Traditions of the Thompson River Indians of British Columbia. – Boston; N.Y.: The American Folklore Society, 1898. – 137 p.
- Teit J.A.** The Shuswap // Memoires of the American Museum of Natural History. – 1909. – Vol. 4. – P. 443 – 813.
- Teit J.A.** Thompson tales // Memoires of the American Folk-Lore Society. – 1917. – Vol. 11. – P. 1 – 63.
- Teit J.A.** Tahltan tales // Journal of American Folklore. – 1919. – Vol. 32, N 123. – P. 198 – 250; 1921. – Vol. 34, N 133. – P. 223 – 253; N 134. – P. 335 – 356.
- Tenenbaum J.M.** Dena'ina Sukdu'a. Traditional Stories of the Tanaina Athapaskans. – Fairbanks: University of Alaska: Alaska Native Language Center, 1984. – 281 p.
- Thompson S.** Motif-Index of Folk Literature. – Copenhagen; Bloomington: Indiana University Press, 1955 – 1958. – Vol. 1 – 6.
- Thompson S.** Tales of the North American Indians. – Mineola, N.Y.: Dover Publications, 2000. – 387 p.
- Toporov V.** About a probable Ob-Ugrian reflection of the Iranian Mithra // Uralic Mythology and Folklore. – Budapest; Helsinki, 1989. – P. 169 – 178.
- Walker J.R.** The Sun Dance and other ceremonies of the Oglala division of the Teton Dakota // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1917. – Vol. 16, N 2. – P. 51 – 221.
- Walker J.R.** Lakota Myth. – Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 1983. – 428 p.
- Wallis W.D.** Beliefs and tales of Canadian Dakota // Journal of American Folklore. – 1923. – Vol. 36, N 139. – P. 36 – 101.
- Werner E.T.C.** Myths and Legends of China. – L.; Calcutta; Sydney: George G. Harpar and Co., 1922. – 454 p.
- Wilbert J., Simoneau K.** Folk Literature of the Yuro Indians. – Los Angeles: UCLA Latin American Center Publications, 1990. – 780 p.
- Wissler C.** Some Dakota myths // Journal of American Folklore. – 1907. – Vol. 20, N 77 – 78. – P. 121 – 131, 195 – 206.
- Wissler C.** Star Legends among the American Indians. – N.Y.: American Museum of Natural History, 1936. – 29 p.
- Wissler C., Duvall D. C.** Mythology of the Blackfoot Indians // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1908. – Vol. 2, N 1. – P. 1 – 163.
- Wood R.A.** Plains Village tradition: Coalescent // Handbook of North American Indians. – 2001. – Vol. 13. – P. 196 – 206.
- Wright A.** An Athapaskan tradition from Alaska // Journal of American Folklore. – 1908. – Vol. 21, N 80. – P. 33 – 34.
- Wright J.V.** Prehistory of the Canadian Shield // Handbook of North American Indians. – 1981. – Vol. 6. – P. 86 – 96.

Материал поступил в редколлегию 18.11.02 г.

УДК 903.5

Н.А. Макаров, И.Е. Зайцева

*Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: ni.ma@g23.relcom.ru
izaitseva@yandex.ru*

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ НА СЕВЕРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУБЕНСКОМ ОЗЕРЕ

Археолог, ведущий сегодня раскопки древнерусских могильников, имеет дело с древностями, общий характер которых достаточно прояснен благодаря усилиям нескольких поколений его предшественников. Научные исследования древнерусских могильников продолжаются более 150 лет. Широкие раскопки курганов (по оценкам В.В. Седова, к началу XX в. было вскрыто более 20 тыс. курганных насыпей X – XIII вв. [1982, с. 6]) позволили археологической науке сначала составить общее представление о характере средневековых восточно-славянских и финских древностей, а затем перейти к изучению этнокультурной ситуации на Русской равнине, восточно-славянского расселения, культурной и этнической дифференциации населения Древней Руси и сопредельных областей в конце I – начале II тыс. н.э. Этот цикл исследований, начатый в конце прошлого века А.А. Спицыным и продолженный несколькими поколениями отечественных археологов (А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков, В.П. Третьяков, В.В. Седов, А.П. Моця, Е.А. Рябинин), в основном завершен. Современные знания о культурном своеобразии и истории заселения разных регионов Древней Руси сложились главным образом в результате изучения погребальных памятников.

Сегодня на территории Европейской России трудно найти средневековую курганную группу, не тронутую раскопками. Некоторые области, относимые к Древней Руси, почти полностью очищены от курганов. Менее изученными остаются грунтовые могильники X – XIII вв., широко использовавшиеся для захоронений, как теперь выясняется, во многих древнерусских областях, но и эти памятники интенсивно исследовались в последние десятилетия [Конецкий, 1984; Моця, 1990]. Насколько оправдано в этой ситуации продолжение раскопок древнерусских могильников? Можно

ли рассчитывать, что эти раскопки послужат не только удовлетворению исследовательского любопытства, но и существенному приращению новых знаний о культурно-исторических процессах средневековья?

Нам представляется, что на современном этапе изучения древнерусских погребальных памятников наиболее актуальны две исследовательские задачи: первая – анализ социальной организации, культурного своеобразия и биологического состояния отдельных средневековых групп по материалам оставленных ими погребальных памятников и реконструкция истории отдельных средневековых палеопопуляций с использованием современного арсенала естественно-научных методов и накопленного полевой археологией опыта раскопок могильников; вторая – уточнение представлений о некоторых общих явлениях в древнерусских погребальных традициях, остающихся неясными вследствие неудовлетворительной фиксации раскопанных ранее погребальных памятников. Сегодня необходимо признать, что ввиду несовершенства полевой документации, депаспортизации коллекций и недооценки значения антропологических материалов специалисты лишены информации, раскрывающей, например, связь определенных наборов вещей с теми или иными половозрастными группами, способы ношения и положение в костюме некоторых украшений, хронологическое соотношение различных форм обряда. Материалы новых раскопок могут частично восполнить эти пробелы.

Проводившиеся в 1980 – 1990-х гг. исследования средневековых могильников в Белозерье и Поонежье, в ходе которых в 14 могильниках было изучено около 340 погребений XI – XIII вв. [Макаров, 1990, 1997], позволили не только получить обширный и разносторонний материал для характеристики “областной”

культуры этих регионов и реконструкции происходивших здесь колониционных процессов, но и выработать некоторые новые для древнерусской археологии подходы к изучению средневековых некрополей. Раскопки могильников широкими площадями, в некоторых случаях – всей площадки, полный сбор антропологических материалов, в т.ч. остеологических остатков из разрушенных погребений, детальная фиксация положения погребального инвентаря и украшений открыли перспективу для изучения планиграфии могильников, половозрастного состава средневековых коллективов, оставивших некрополи, динамики функционирования могильников, локальных традиций, формировавшихся в тех или иных группах – проблем, которые ранее оставались вне поля зрения археологов. Антропологический материал из этих раскопок послужил надежной основой для изучения биологического состояния средневекового населения Северной Руси и палеодемографических реконструкций, заметно расширил круг вопросов, изучаемых медиевистами [Алексеева и др., 1993; Макаров, Захаров, Бужилова, 2001].

Продолжением этих работ стали ведущиеся с 1996 г. раскопки комплекса средневековых памятников у д. Минино на Кубенском озере, на территории, прилегающей к Белоозеру с востока (рис. 1) [Кубенское озеро..., 2001].

В состав Мининского археологического комплекса входят три средневековых селища и могильник, представлявший собой, по-видимому, общий для этой локальной группы некрополь (рис. 2). Центральный элемент поселенческой структуры образует селище Минино I – крупное по северным меркам (площадь около 1,5 га) поселение, основанное не позднее конца X в. и стабильно развивавшееся до конца XII – начала XIII в. Хотя мининский проект ориентирован на исследование главным образом культурного слоя средневековых поселений и палеоэкологических остатков, характеризующих средневековую природную среду, земледелие и промыслы, его существенной частью стали начатые в 1997 г. раскопки некрополя [Макаров, Зайцева, 1999]. За три полевых сезона вскрыта территория площадью около 250 м² с 46 погребениями, совершенными по обряду кремации и ингумации.

Цель настоящей работы – предварительная публикация некоторых материалов Мининского могильника, на основании которых возможна детализация наших знаний о становлении древнерусской культуры на окраинах и прояснение некоторых общих аспектов развития древнерусских погребальных традиций.

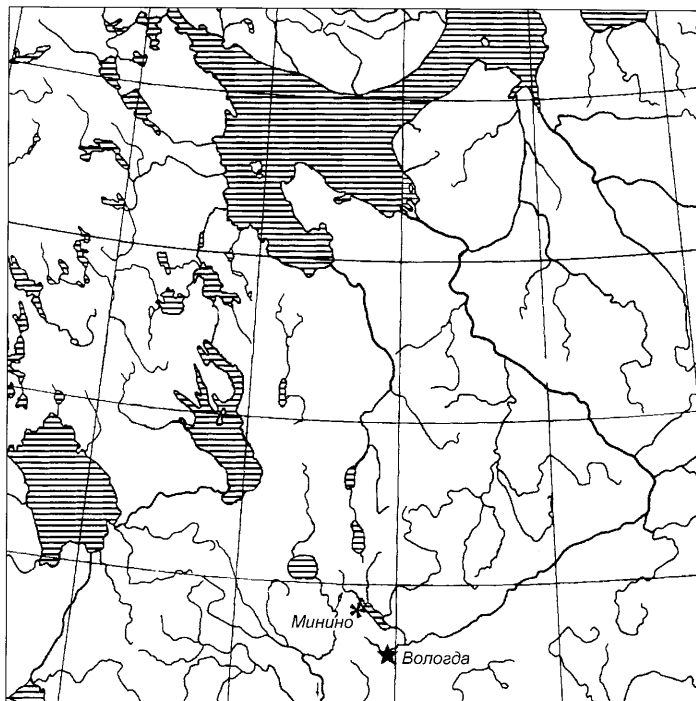

Рис. 1. Карта-схема севера Европейской России с обозначением местоположения Мининского археологического комплекса.

Общая характеристика могильника Минино II

Могильник Минино II расположен на левом берегу р. Дмитриевки в 450 м от места ее впадения в оз. Кубенское, на участке коренной террасы, возвышающейся над меженным уровнем воды на 3 – 4 м (см. рис. 2). Небольшая ложбина с пересыхающим в летнее время ручьем отделяет площадку могильника с востока от центрального поселения мининской локальной группы. Площадка могильника, одна часть которой занята лесом, а другая лугом, с запада на восток рассечена грунтовой дорогой, в восточном секторе располагаются строения турбазы. Погребения не имеют внешних обозначений на поверхности, но, судя по найденным в обнажениях костям, площадка могильника вытянута с запада на восток не менее чем на 220 м. Для исследований в настоящее время доступна лишь небольшая ее часть, свободная от леса и строений. Нам удалось заложить раскопы на трех участках в западной (раскоп 1) и восточной (раскопы 2 и 3) частях площадки (рис. 3). В западной части могильника выявлены погребения по обряду ингумации, в восточной – кремации и ингумации. Всего исследованы остатки 33 труположений и не менее 13 трупосожжений.

Отдельные кальцинированные кости, среди которых преобладают мелкие неопределимые фрагменты разной степени обжига, находились в слоях почвенного гумуса и пахоты на всей площади раскопов в вос-

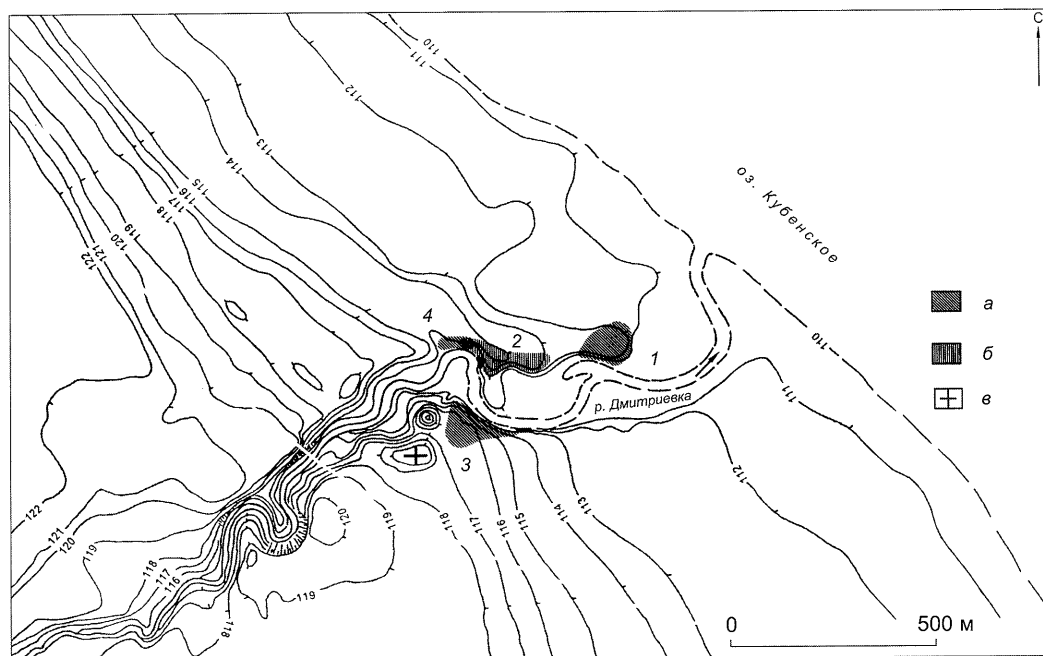

Рис. 2. План местности в зоне расположения мининской локальной группы поселений (горизонтالي проведены через 1 м).

а – участки с культурным слоем конца X – XIII в., *б* – могильник конца X – XIII в., *в* – развалины приходской церкви XIX в.
1 – Минино I, 2 – Минино II, 3 – Минино VI, 4 – Минино VII.

точной части могильника. В этих же слоях обнаружены разрозненные обожженные средневековые вещи: деформированные стеклянные бусины, кальцинированные фрагменты костяных односторонних расчесок, полностью оплавленные бесформенные кусочки цветного металла, а также отдельные средневековые предметы без следов пребывания в огне. Под верхним гумусным слоем и в заполнении больших овальных ям расчищено шесть более или менее компактных скоплений кальцинированных костей весом от 60 до 550 г. Всего с площади около 150 м² собрано чуть менее 4 кг кальцинированных костей человека и животных.

Рассмотрим погребения с признаками обряда ингумации, составляющие наиболее многочисленную и ясно читаемую при первичной полевой фиксации группу объектов. В 25 из 33 исследованных погребений находились костяки людей, помещенных в грунтовые ямы на спине в вытянутом положении. Кости семи погребенных обнаружены на площадке могильника в переотложенном состоянии, разрозненно или в виде скоплений. Одна могильная яма оказалась пустой. Могильные ямы располагались на площадке могильника рядами, ориентированными в направлении север – юг (см. рис. 3, 4). Глубина ям была незначительной, 20 – 37 см от поверхности материка, и лишь в одном случае достигала 50 см. Детские погребения находились иногда непосредственно под почвенным гумусом. Во многих могилах прослежен древесный тлен

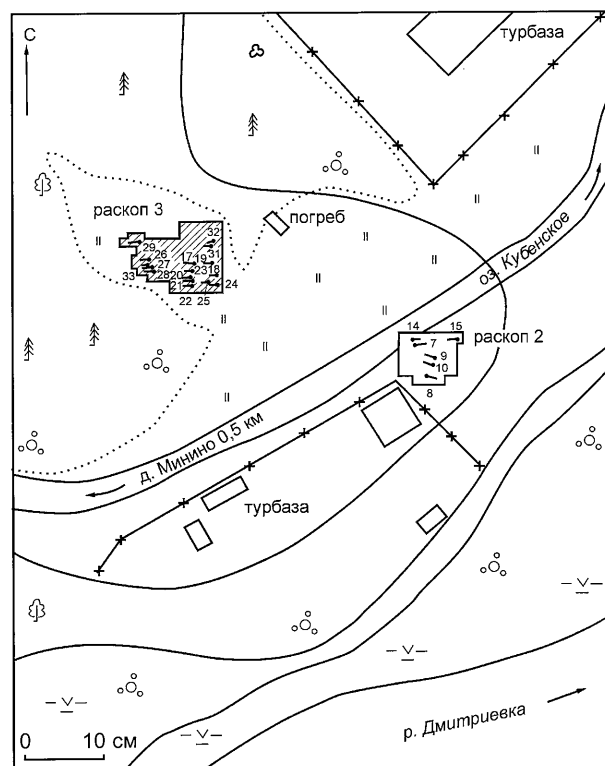

Рис. 3. План расположения раскопов в восточной части могильника Минино II с обозначением погребений по обряду ингумации, сохранившихся *in situ*.

от гробов, соорудившихся без использования гвоздей (единичные экземпляры последних найдены лишь в двух погребениях). Трое умерших были ориентированы головами на запад, остальные – на восток с незначительными отклонениями. Кроме одиночных могил зафиксировано парное погребение мужчины и женщины и одно тройное – мужчины, женщины и ребенка двух-трех лет. На западном участке могильника исследовано захоронение, в котором два костяка были помещены один над другим.

Анализ остеологических остатков из погребений, проведенный А.П. Бужиловой, показал, что 6 костяков принадлежат мужчинам (преимущественно 30 – 45 лет, лишь один умерший был старческого возраста), 11 – женщинам (в этой серии представлены индивиды всех возрастных групп), 1 – подростку 16 – 18 лет и еще 12 – детям. Среди последних пять младенцев, четыре ребенка в возрасте от полугода до трех лет и три в возрасте 3 – 7 лет. Несмотря на некоторую диспропорцию между мужскими и женскими погребениями, по половозрастному составу исследованная группа представляет собой часть обычной средневековой палеопопуляции.

Свыше 70% погребений сопровождалось вещами. В погребальных комплексах с труположением зафиксированы более 240 украшений и деталей одежды из цветных металлов, серебра и железа, свыше 1 350 стеклянных бусин (включая бисер), 30 бытовых вещей и орудий труда из железа, бронзы, рога и камня и 6 керамических сосудов. Отсутствие сопровождающего инвентаря отмечено в девяти захоронениях, в шести из которых находились костяки детей в возрасте до двух лет. В могилах мужчин обнаружены бытовые вещи: ножи (в четырех комплексах), сумочки с бронзовыми оковками (в двух комплексах), топоры, кресало, оселок. В трех из них встречены металлические поясные украшения, в одном – стеклянная бусина, две бронзовые подвески (крупная умбоновидная и конек смоленского типа) и три бубенчика, украшавшие, вероятно, ножны. Женские погребения сопровождалось железными ножками (в восьми комплексах), роговыми гребнями и расческами (в шести комплексах), железными иглами (в одном комплексе); в районе костей ног пяти погребенных находились развалы горшков. Во всех женских захоронениях найдены различные украшения и металлические детали одежды, большая часть которых была надета на погребенных. В погр. 27 кроме украшений, составлявших убор умершей, расчищено несколько предметов (перстень, подвеска, стеклянные бусы), компактно положенные у ее голени. Украшения и бытовые вещи сопровождали также пять детских погребений. В одном из них найдены железная игла, еще в одном – керамическая писанка, в двух – железные ножи. В состав детских уборов входили стеклянные бусы (в четырех комп-

Рис. 4. Погребения 17 – 19 в восточной части раскопа 3 могильника Монино II.

лексах), подвески к ожерелью (денарий, подвеска “уточка”, бубенчик, лунницы – в трех комплексах), височное кольцо и крест-тельник.

Основными компонентами женского убора в могильнике Монино II были височные кольца, фибулы, ожерелья из бусин с подвесками и перстни. Сохраняя общие принципы своей композиции, этот убор видоизменялся и в разные хронологические периоды дополнялся новыми элементами – украшениями разных типов. Ансамбли украшений в женских погребениях, образующих раннюю серию, очень близки по своему составу. Их атрибутом являются наборы из двух – пяти браслетообразных височных колец диаметром 4,5 – 8 см, серебряных или бронзовых, с концами, скрепленными при помощи загнутых крючков или полузавязанных (рис. 5, 3 – 6; 6, 1, 2, 4; 7, 4, 6 – 8). Полузавязанные браслетообразные кольца, выделенные А.А. Спицыным в “тверской” тип, считаются характерными для Верхневолжья и связанной с ним территории Костромского Поволжья, хотя встречаются также в Смоленском Приднестровье [Седов, 1972, с. 140 – 141; Рябинин, 1986, с. 55 – 56]. Погребения с такими кольцами датируются исследователями XII – XIII вв. [Рябинин, 1986, с. 55 – 56], однако в могильнике Нефедьево на Волоке Славенском они представлены в захоронениях первой половины XI в. [Макаров, 1997, с. 116]. Другим обязательным компонентом уборов ранней серии являются ожерелья из 28 – 49 стеклянных бусин (см. рис. 5, 1; 6, 3; 7, 5). У некоторых погребенных одна-две низки таких бусин, очевидно, плотно облегали шею. Наборы бусин включают одно- и двухчастные синие и желтые лимоновидные, синие зонные, цилиндрические золото- и серебростеклянные, треугольные красно-коричневые, желтые, голубые и зеленые ягодовидные, зонные желтовато-белые, голубые битрапецидальные экземпляры. В области груди обычно располагалась бронзовая подковообразная фибула, вероятно, стягивавшая шаль (см. рис. 5, 2; 7, 9; 8). В одном

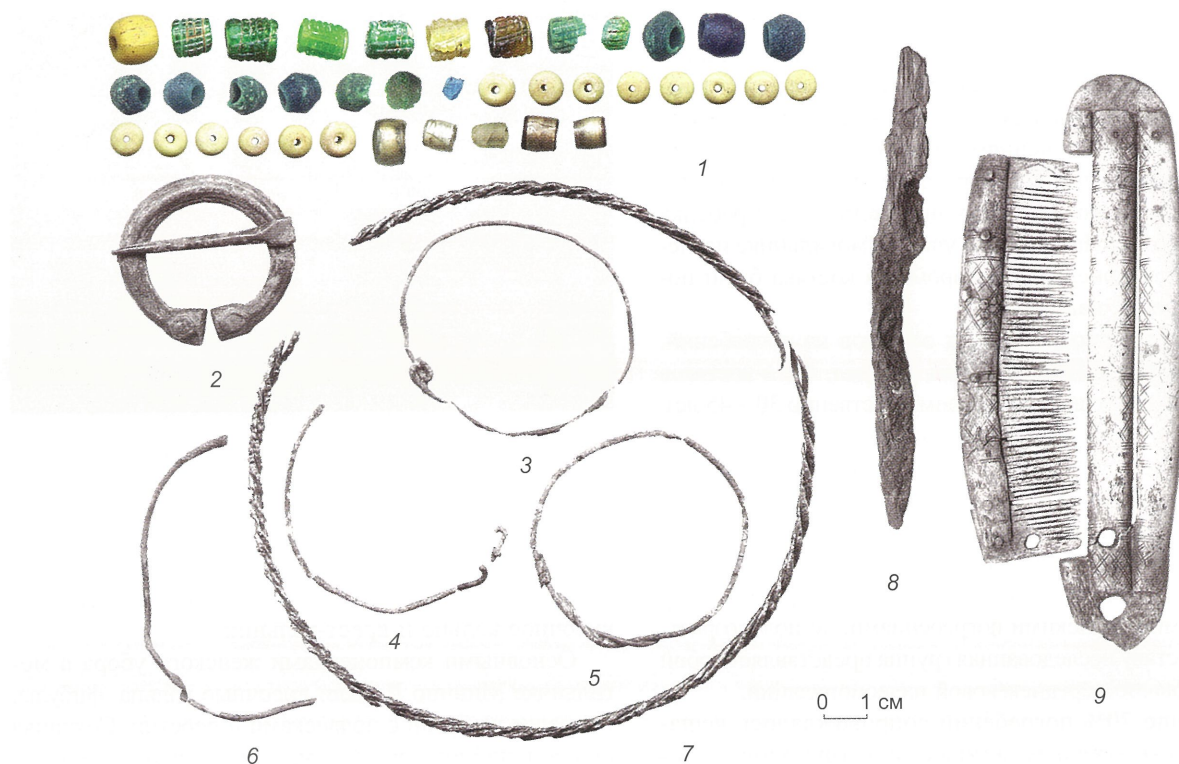

Рис. 5. Вещевой материал из погр. 18 могильника Минино II.

1 – бусины; 2 – фибула; 3 – 6 – височные кольца; 7 – шейная гривна; 8 – нож; 9 – расческа с футляром.
1 – стекло; 2 – 7 – цветной металл; 8 – железо; 9 – рог.

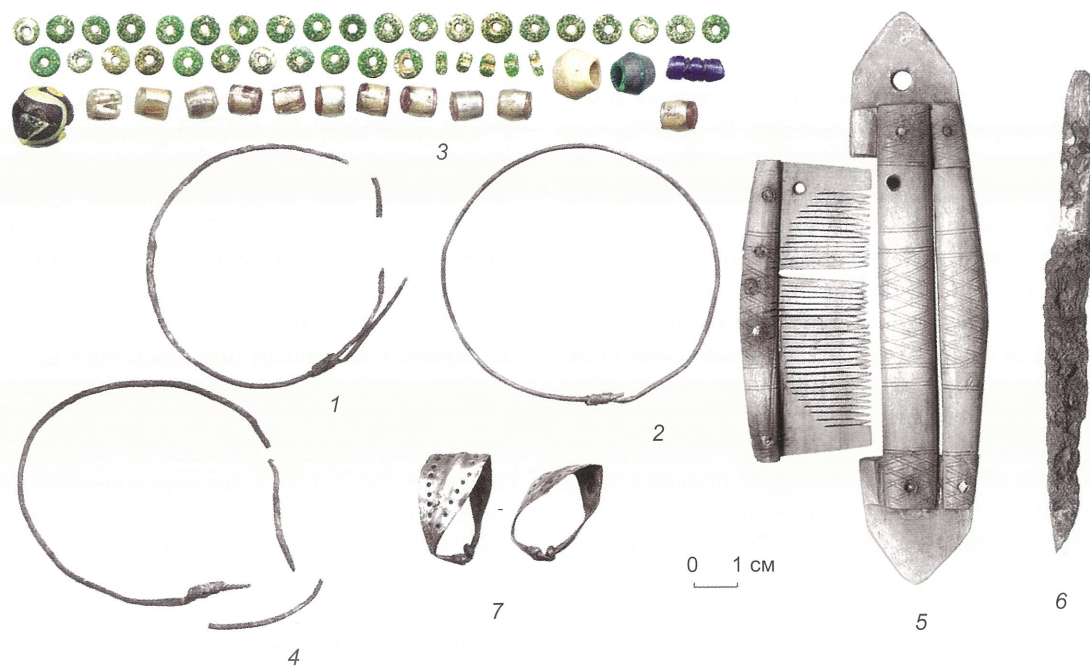

Рис. 6. Вещевой материал из погр. 19 могильника Минино II.

1, 2, 4 – височные кольца; 3 – бусины; 5 – расческа с футляром; 6 – нож; 8 – перстень.
1, 2, 4, 8 – цветной металл; 3 – стекло; 5 – рог; 6 – железо.

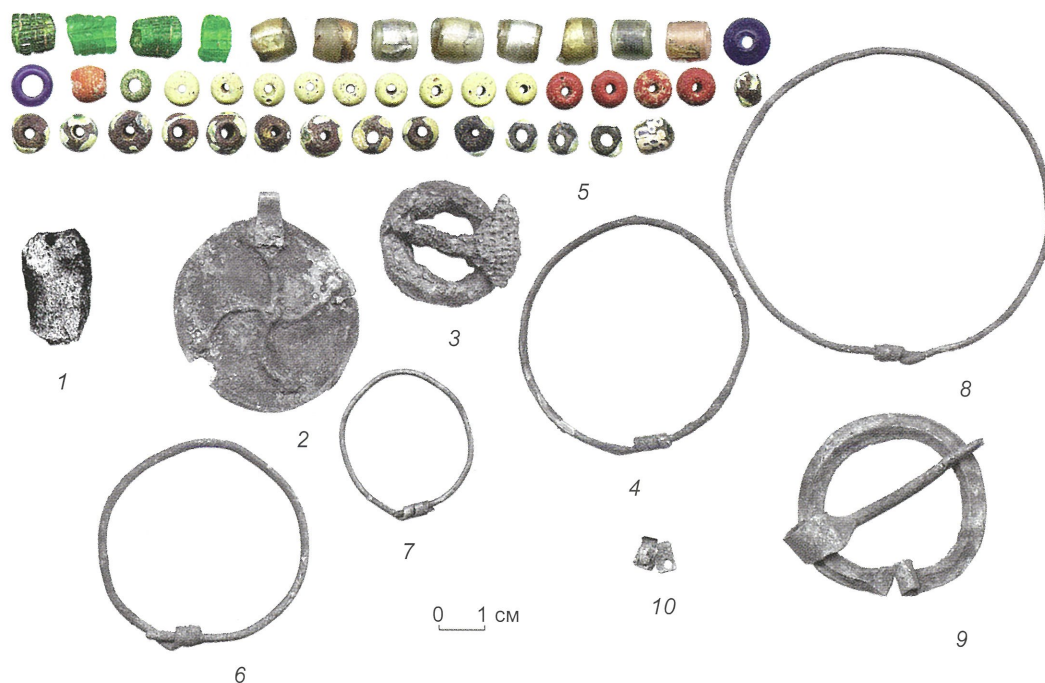

Рис. 7. Вещевой материал из погр. 21 могильника Минино II.

1 – пластина; 2 – подвеска к ожерелью; 3 – пряжка; 4, 6 – 8 – височные кольца; 5 – бусины; 9 – подковообразная фибула; 10 – ушко от подвески.
1 – кремль; 2, 4, 6 – 10 – цветной металл; 3 – железо; 5 – стекло.

из погребений роль нагрудной застежки выполняло серебряное браслетообразное височное кольцо (см. рис. 6, 4; 9). Во всех погребениях ранней серии присутствуют костяные односторонние расчески в футлярах (см. рис. 5, 9; 6, 5; 9, 5) и железные ножи с деревянными рукоятями, чаще всего подвешивавшиеся к поясу. Витые из бронзовых проволок шейные гривны (см. рис. 5, 7; 8), подвески к ожерелью, среди которых имеются западно-европейские денарии, браслеты и перстни дополняют этот костюм. Шумящие украшения в погребениях ранней серии отсутствуют.

Такие украшения впервые зафиксированы в составе погребального инвентаря в женских захоронениях 1, 3, 4 конца XI – первой половины XII в. Это зооморфные подвески, которые прикрепляли, как правило, к поясу на шнурах или цепочках либо носили на груди. Типы височных колец в уборах этого времени разнообразны: проволочные среднего диаметра, ромбошито-ковые, проволочные перстнеобразные и узелковые. В ансамблях женских украшений второй половины XII – начала XIII в. (погр. 10, 26, 27) представлено по 8 – 14 перстнеобразных проволочных колец диаметром 2 – 2,5 см с заходящими концами (рис. 10, 1, 12). Количество бусин в ожерельях в этот период сокращается (в одном из комплектов бусы отсутствуют), преобладают стеклянные желтые и зеленые зонные образцы (рис. 10, 5). В качестве подвесок к ожерелью используются одна – три лунницы. Поясные украшения

Рис. 8. Общий вид верхней части костяка после расчистки в погр. 18 могильника Минино II.

представлены плоским прорезным “петушком” и полыми “уточками”, прикрепленными к поясу сбоку вместе с железными ножами на шнурах со спиральными пронизками. В комплектах украшений этого времени не представлены ни шейные гривны, ни подковообразные нагрудные фибулы, характерные для раннего периода.

Чтобы уточнить общие хронологические рамки могильника, обсудим временную принадлежность наиболее ранних и поздних погребений по обряду ингумации. Серию ранних женских погребений составляют четыре комплекса из раскопа 3 (погр. 17 – 19 и 21),

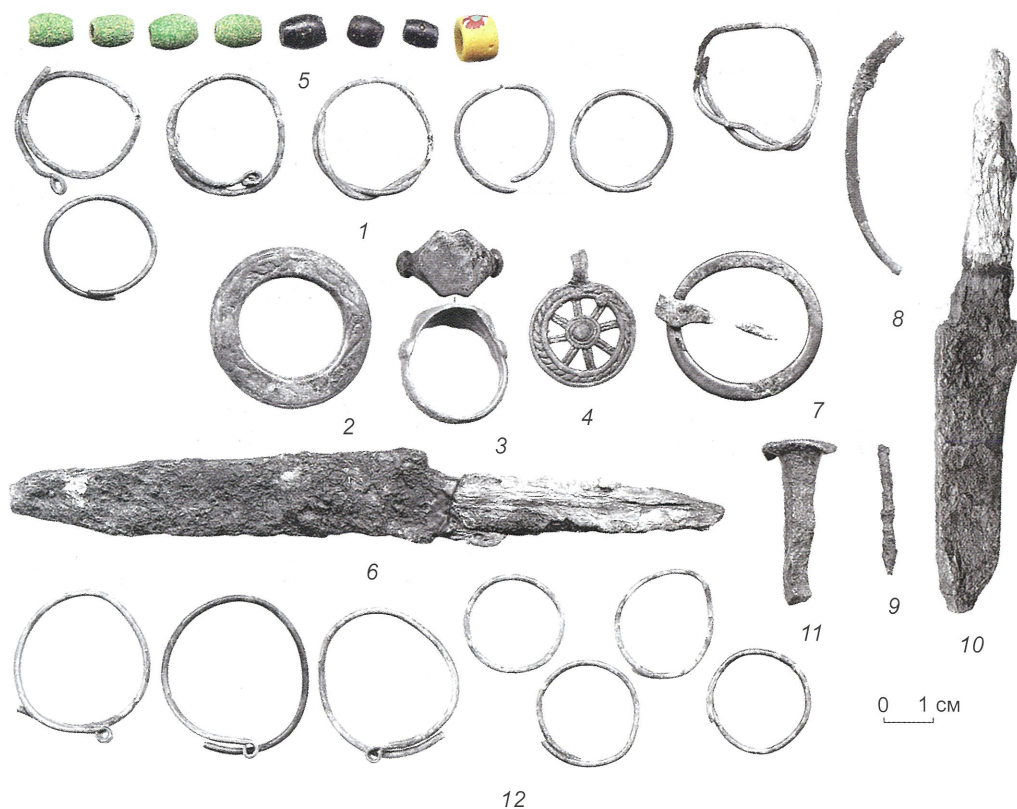

Рис. 10. Вещевой материал из погр. 27 (1 – 5, 7 – 11) и 28 (6) могильника Минино II.
1, 12 – височные кольца; 2 – поясное кольцо; 3 – перстень; 4 – подвеска к ожерелью; 5 – бусины; 6, 10 – ножи;
7 – кольцевидная фибула; 8 – фрагмент браслета; 9 – игла; 10 – гвоздь.
1 – 4, 7, 8, 12 – цветной металл; 5 – стекло; 6, 9 – 11 – железо.

Сумочки подковообразной формы, скрепленные медными заклепками, известны по находкам в мужских погребениях мордовских и марийских могильников [Архипов, 1973, с. 40, 156, 157, 159, рис. 44, 45, 48]. Близкие аналоги представлены в венгерских могильниках [The Ancient Hungarians..., 1996, p. 186 etc.]. На Севере эти предметы немногочисленны: детали еще двух сумочек выявлены в погребениях со следами обряда кремации на оз. Кубенском (могильники Минино II и Владышнево), третья найдена в мужском погребении в Челмужских курганах в Заонежье [Кочкуркина, 1989, с. 251 – 252). Верхняя дата большинства комплексов с сумочками не выходит за рамки рубежа X – XI вв., исключение составляет погребение из Челмужских курганов, относящееся, вероятно, к первой половине XI в. Сочетание в комплексе пластинчатого кресала, фитильной трубки и подковообразной сумочки с заклепками позволяет датировать захоронение периодом не позднее рубежа X – XI вв. С учетом имеющихся данных о времени появления обряда ингумации в Белозерье погр. 15 должно быть отнесено к концу X – началу XI в.

Рис. 11. Кальцинированные кости и стеклянные бусины в процессе расчистки погр. 16 могильника Минино II.

Для определения верхней даты могильника важны комплексы украшений из погр. 26 и 27, включавшие литые перстни с шестиугольными щитками (см. рис. 10, 3). Украшения этого типа появились в Новгороде не ранее 1160-х гг. [Седова, 1981, с. 135 – 136; Лесман, 1990, с. 52 – 53]. В погр. 10 зафиксированы

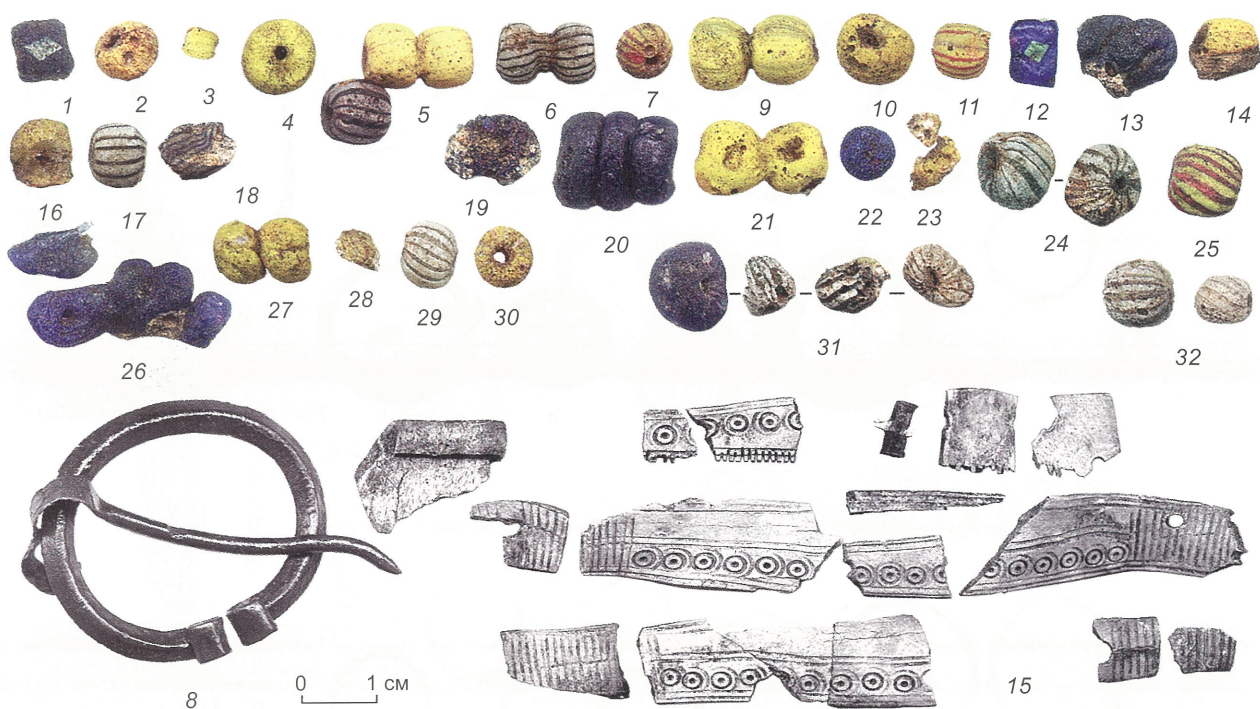

Рис. 12. Вещевой материал из погр. 16 могильника Минино II.
1 – 7, 9 – 14, 16 – 32 – бусины; 8 – подковообразная фибула; 15 – фрагменты расчески и футляра от нее.
1 – 7, 9 – 14, 16 – 32 – стекло; 8 – цветной металл; 15 – рог.

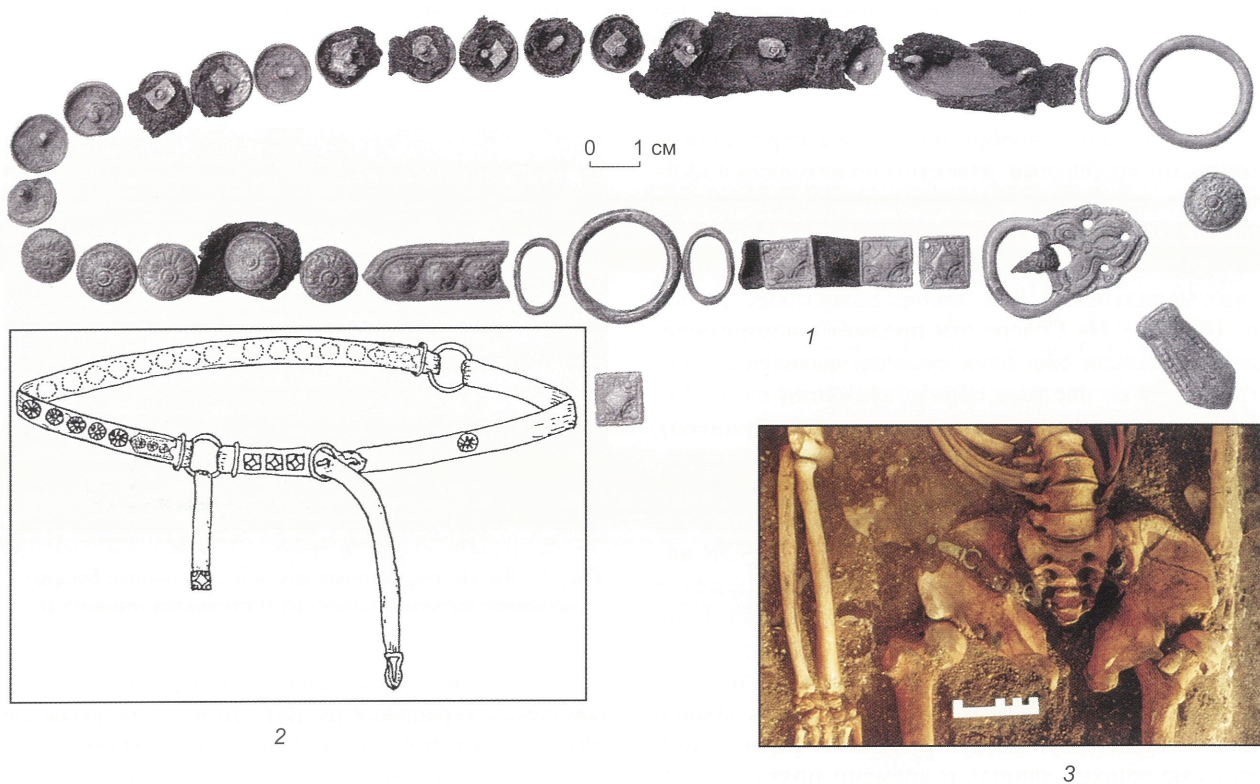

Рис. 13. Наборный пояс из погр. 9 могильника Минино II.
1 – детали поясного набора, 2 – реконструкция внешнего вида, 3 – положение пояса на костяке.

гребень типа Н, время бытования которого в Новгороде ограничено второй четвертью XII – XIV в. [Колчин, 1982, с. 166], и полая подвеска-“барашек” типа XIX, по Е.А. Рябинину. Появление последних Е.А. Рябинин датирует первой половиной – серединой XII в. [Рябинин, 1981, с. 38 – 39], однако основная масса находок приходится на конец XII – XIII в. Таким образом, три женских погребения относятся ко времени не ранее последней трети XII в. По-видимому, еще более поздний хронологический пласт представляют трупоположения с западной ориентировкой (погр. 7 и 8), не содержащие датирующих вещей. Учитывая вышеизложенное, с большой долей уверенности можно утверждать, что захоронения в могильнике продолжали совершаться по крайней мере до рубежа XII – XIII вв. В целом же ингумации на могильнике Минино II производились в течение периода, протяженностью не менее двух столетий.

Таким образом, по многим характеристикам могильник Минино II близок к погребальным памятникам Белозерья и Верхней и Средней Шексны – грунтовыми могильникам с трупоположением, сопровождавшимся украшениями древнерусских и финских типов, лепной и круговой керамикой, бытовыми вещам и орудиями труда [Макаров, 1990, 1997; Кудряшов, 2001]. Он представляет собой некрополь, функционировавший в течение длительного времени. Исключительное богатство погребальных комплексов и обилие привозных вещей (западно-европейские монеты, стеклянные бусы, раковины каури) ставит его в один ряд с такими некрополями, как Нефедьево и Никольское III. Однако столь же очевидны и некоторые специфические черты могильника Минино II, заслуживающие специально-го обсуждения.

Переход от обряда кремации к обряду ингумации

Для изучения погребальных традиций и религиозных верований населения северно-русских областей существенный интерес представляет присутствие в могильнике Минино II погребений по обрядам кремации и ингумации. Обе эти формы погребального обряда хорошо известны по археологическим объектам на территории Белозерского края, однако представлены, как правило, на разных памятниках: кремация – в грунтовых могильниках и могильниках со срубными конструкциями, получившими название “домики мертвых”, середины – второй половины I тыс. н.э., ингумация – в грунтовых и курганных могильниках XI – XIII вв. Присутствие их на одних и тех же памятниках – относительно редкое явление, зафиксированное почти исключительно на западе Белозерского региона – на реках Суде и Колпи. Могильник Минино II дает редкую возможность уточнить хронологическое и культурное соотношение между обрядами кремации и ингумации

в рамках одного памятника. Интерес к этому вопросу в немалой степени обусловлен тем, что смена кремации ингумацией считается важнейшим моментом в трансформации погребального обряда при переходе от язычества к христианству в Восточной Европе в конце I – начале II тыс. н.э.

На могильнике Минино II остатки кремаций зафиксированы на участке, насыщенном культурными остатками эпохи первобытности (мезолит, бронзовый и ранний железный век). На нем захоронения по обряду ингумации совершались по меньшей мере до рубежа XII – XIII вв. В средневековье на краю этой площадки располагалось железоделательное производство. Неудивительно поэтому, что выделение здесь комплексов и находок, относящихся к могильнику с трупосожжениями, представляет известную сложность. Фиксируя кальцинированные кости и средневековые вещи, мы не всегда в состоянии определить, находятся ли они в своем первоначальном положении или были перемещены в ходе позднейших захоронений или хозяйственных работ.

Остатки кремаций выявлены в восточной части площадки могильника Минино II, т.е. на том его участке, который топографически наиболее близок к поселению (см. рис. 2, 3). В раскопах 2 и 3 на площади около 150 м² исследованы остатки кремации не менее чем 13 индивидов*. В этих раскопах собрано более 3,2 кг кальцинированных костей человека, около 500 г неопределимых костей и около 250 г костей животных. Концентрация кальцинированных костей в раскопах была неодинаковой: в раскопе 2 их зафиксировано в 4 раза больше, чем в раскопе 3 (всего с площади 150 м² их собрано чуть менее 4 кг). Кальцинированные кости находились в верхнем гумусированном слое в рассеянном виде и скоплениях, в специально вырытых материковых ямах, разных по форме и глубине, заполнении позднейших ям, в которых совершен обряд ингумации, и перекопах. Точно определить количество вещей, связанных с погребениями по обряду кремации, трудно, но к ним могут относиться примерно 110 вещей, найденных в верхнем гумусированном слое (на контакте с материком) и верхней части заполнения ям и перекопах, а также 43 предмета из погр. 16. Тридцать пять предметов обожжены или оплавлены. Судя по планиграфии, многие вещи, не имеющие следов пребывания в огне, также сопровождали кремацию, однако часть из них могла попасть на площадку и позднее, при совершении ингумации или в результате нарушения могил.

Шесть кремаций представляли собой более или менее компактные скопления кальцинированных костей весом 60 – 550 г (рис. 11). В пяти скоплениях найдены пережженные вещи, однако в трех это малочисленный и маловыразительный материал: в скоплении 1 –

* Определение А.П. Бужиловой.

фрагмент одностороннего гребня, оплавленная стеклянная бусина, два фрагмента керамики; в скоплении 2 – бронзовая проволока; в скоплении 5 – два железных предмета, оплавленная бусина. Кремированные останки еще пяти погребенных собраны в виде разрозненных костей, залежавших в верхнем гумусированном слое, небольших материковых ямках и перекопах. Некоторые погребения нарушены, кремированные останки в них первоначально находились, скорее всего, компактно. Однако часть кальцинированных костей и пережженных вещей из кремаций в обоих раскопах изначально была в “рассеянном” состоянии.

Два погребения по обряду трупосожжения расчищены в виде скоплений кальцинированных костей под верхним гумусным слоем. Одно из них зафиксировано в темном углистом слое в северо-восточном углу раскопа 2 на площади размерами 80 × 50 см. Рядом с небольшим камнем собраны кальцинированные кости молодой женщины (ок. 250 г) и животных (ок. 100 г), в частности бобра, а также кости (без следов пребывания в огне) мелкого млекопитающего. Среди костей расчищены вещи: железная заклепка, три обожженные стеклянные бусины, в т.ч. цилиндрическая золотостеклянная без каймы, фрагмент обожженного двустороннего гребня и кальцинированная костяная поделка (рукоять?). Второе скопление (погр. 16) расчищено в небольшой подпрямоугольной ямке размерами 60 × 30 см и глубиной 10 см (см. рис. 11, 12). Здесь обнаружены кости взрослого человека (ок. 150 г), 41 оплавленная стеклянная бусина и фрагменты кальцинированной односторонней расчески с циркульным орнаментом. Сверху на скоплении костей находилась необожженная подковообразная фибула со сломанной иглой.

Еще четыре скопления костей расчищены в заполнениях больших материковых ям овальной формы. Их глубина 50 – 80 см, длина 3,3 – 4,6 м, ширина 1,7 – 2,5 м. Ямы были заполнены темной гумусированной супесью с углями. Кальцинированные кости залежали ближе к придонной части ям, начиная от уровня около 30 см от поверхности. В ямах 2 и 11 находилось по одному скоплению, включавшему кости одного взрослого человека, в яме 3 – два скопления, в одном из которых были кости одного человека, а в другом – двух взрослых, в т.ч. мужчины, и ребенка. В большинстве скоплений представлены кости человека и животных. Находки в ямах единичны: оплавленные бусины, фрагменты костяных расчесок, железные ножи.

Основная масса вещей, связанных с погребениями со следами кремации (односторонние роговые гребни, поясные бляшки, бусины-“лимонки”, ножи с узким клиновидным лезвием), датируется в сравнительно широких хронологических рамках – X – XI вв. Лишь несколько предметов и погребальных комплексов могут служить основанием для более точного хронологического определения кремаций.

В разрушенном погребении в западной части раскопа 3 найдены массивная железная подковообразная фибула с прямоугольным сечением дужки и три поясные накладки с тревовидным орнаментом. Железные фибулы известны в основном по курганным комплексам X в. Накладки с тревовидным орнаментом не имели распространения на территории Древней Руси, но известны по находкам из мордовского Крюково-Кужновского могильника и комплексам X в. в Венгрии [The ancient Hungarians, 1996, p. 398, 399, fig. 1].

Набор бусин из погр. 16 (см. рис. 12, 1 – 7, 9 – 14, 16 – 32), включающий белые и желтые полосатые, а также желтые одно- и двухчастные “лимонки”, прозрачные навитые зонные синие и призматические синие белоромбические бусины, характерен для X – первой половины XI в. Преобладание продольно-полосатых лимонок (18 шт.) позволяет датировать этот комплекс X в.

Сложнее дать хронологическое определение для следов кремаций в раскопе 2. Найденные здесь золотостеклянная цилиндрическая бусина (остальные бусины типологически неопределимы), обломки односторонних расчесок и двусторонних гребней, ножи обозначают очень широкие хронологические рамки. Возможно, трупосожжения в этом раскопе следует датировать несколько более поздним временем, чем кремации в раскопе 3. В пользу этого свидетельствуют два факта. Во-первых, в яме 3, содержащей остатки кремации не менее чем четырех погребенных, найден нетронутый огнем денарий, чеканенный графом Германом III в Утрехте в 1048 – 1064 гг. Во-вторых, эта яма прорезает могильную яму погр. 15 с признаками обряда ингумации, которое, как показано выше, следует датировать концом X в. или рубежом X – XI вв. Перед нами редкий случай совершения трупосожжения после того, как обряд ингумации вошел в погребальную практику средневекового коллектива.

Таким образом, на могильнике Минино II обряд кремации практиковался со второй половины X до середины XI в., причем в первой половине XI столетия – параллельно с обрядом ингумации. Трупосожжения столь позднего времени не выявлены ни в одном из могильников, исследованных на оз. Белом и Шексне, редки они и в других регионах Северной Руси. Сожжению могли предаваться тела и взрослых, и детей. Переход от кремации к ингумации на оз. Кубенском не был одномоментным отказом от старой погребальной традиции. Общие черты обряда, при котором остатки кремации помещали вблизи поверхности земли, ясны. Характер кремаций, остатки которых расчищены в ямах, напротив, не вполне понятен. Необычно прежде всего малое количество погребального инвентаря, сопровождающего кремации, и залегание части его вне скоплений кальцинированных костей.

Очевидно, что население, производившее захоронения по обрядам кремации и ингумации, представляло собой единую локальную группу, спаянную общими традициями. Многие элементы культуры, характеризующие кремацию, после которой остатки сожжения помещали вблизи поверхности, не были утрачены после перехода к ингумации. В женских захоронениях с признаками обеих форм погребального обряда встречаются подковообразные фибулы, стеклянные бусы и гребни, в мужских – наборные пояса. Наиболее существенна, однако, топографическая преемственность. Место языческого могильника, первоначальное ядро которого составили погребения по обряду кремации, не было оставлено после принятия христианства и продолжало использоваться для погребения до конца XII – начала XIII в.

Наборные пояса в мужских погребениях XI – XII веков на севере Древней Руси

Среди мужских захоронений, исследованных на могильнике Минино II, исключительный интерес представляет погр. 9, сопровождавшееся поясным набором. Оно расчищено в раскопе 2 в юго-восточной части площадки памятника. Могильная яма была завалена кусками металлического и стекловидного шлака, перемешанного с камнями. Умерший был погребен на спине головой на восток с отклонением к югу, руки вытянуты вдоль тела. Около его шейных позвонков обнаружены две бронзовые спиральные пронизки, у кисти правой руки – железный топор типа V, по А.Н. Кирпичникову, положенный лезвием кверху, рукоятью вниз. На мизинец правой руки был надет бронзовый перстень из узкой пластины, свернутой в полтора оборота, и украшенный по всей длине циркульным орнаментом. На безымянном пальце левой руки – проволочное бронзовое кольцо с сомкнутыми концами. На тазовых костях погребенного зафиксирован кожаный пояс, декорированный накладными бронзовыми бляшками (рис. 13, 3).

Пояс из трех последовательно соединенных кожаных ремней шириной 1,3 – 1,5 см имел длинный спускающийся на 26 см конец. К поясу, вероятно, крепился один подвесной ремешок. Ремни соединялись между собой двумя одинаковыми бронзовыми гладкими круглыми в сечении литыми кольцами диаметром 2,4 см таким образом, что одно кольцо располагалось на теле спереди справа, а другое сзади слева. Концы ремней пропускались в кольца и заворачивались с оборотной стороны. Они фиксировались при помощи бронзовых обоймиц овальной формы и бронзовых наконечников или накладок. Всего в составе набора 3 наконечника и 24 накладки, из них 20 круглых с изображением цветка с многочисленными тонкими лепестками и 4 квадратных (см. рис. 13, 1, 2).

К поясу были подвешены нож, две железные круглорамчатые пряжки диаметром 2,3 и 4,2 см и железное кольцо с завязанными концами размерами 5 × 5,5 см, выкованное из дрота прямоугольного сечения (для крепления перевязи?). Интересно, что несмотря на наличие в составе пояса двух бронзовых колец, ремешки с предметами держались на поясе при помощи спутанной бронзовой проволоочки, продетой прямо через кожу пояса под бляшками сзади справа.

В погребениях на озерах Белом, Кубенском и р. Шексне, раскопанных прежде, наборные пояса не находили. Предметы поясной гарнитуры в белозерских могильниках вообще редки, в основном это пряжки. Обнаружены четыре пояса из трех ремней с кольцами-разделителями без набора бляшек. Поясные принадлежности, отдельные образцы которых известны по материалам из раскопок и сборов на территории г. Белоозера, довольно широко представлены на селище Минино I и на некоторых среднешекснинских поселениях. Территориально наиболее близкие аналоги мининскому поясу можно найти среди находок из мужских погребений в курганах Юго-Западного Белозерья. Это около 15 поясов из трех ремней, соединенных бронзовыми кольцами. Три пояса были украшены наборами накладок (Никольское, кург. 1, погр. 2; Кобожа-1, кург. 4, погр. 8) [Тухтина, 1966, с. 126 – 127; 1990, с. 132].

Аналоги металлическим деталям поясной гарнитуры из погребений белозерских могильников встречаются на территории, относящейся к северо-западу Древней Руси, в Прибалтике, Финляндии, Швеции. Судя по составу хорошо сохранившихся комплексов, такие накладки украшали составные пояса с бронзовыми гладкими кольцами-разделителями. Конструкция этих поясов довольно устойчива и может быть выделена в особый тип наборного пояса, получивший распространение на территории Древней Руси наряду с кочевническими поясами, состоявшими из одного цельного ремня, к которому при помощи бляшек с прорезьями или колец крепились многочисленные подвесные ремешки (образцы таких поясов см.: [Добжанский, 1990]), и поясами венгерского типа с длинным свисающим концом и дополнительным ремешком [Мурашева, 1998, с. 254]. Пояса реконструируются по целым наборам, которых имеется не менее 15 шт. (Минино II, погр. 9; Никольское, кург. 1, погр. 2; Кобожа-1, кург. 4, 8; Бустрыгино, кург. 2 (под Вельсегонском); Торопец, кург. 1 [Фоняков, 1986]; Усть-река, кург. 4 (Юго-Западное Приильменье) [Ершевский, Конецкий, 1985]; Залахтовы, кург. 165; Б. Борницы, кург. 24 (Ижорское плато) [Спицын, 1896]; Малы, кург. 1 (район Изборска) [Седов, 1976]; Вестерюнг, Вивален, погр. 9 (Швеция); Клинта, погр. 6 (о-в Эланд); Хевор (приход Хеблингбо) и Тьенгдарве (приход Трекумла), оба – Готланд [Зайцева, 1999]). Многие пояса сохранились лишь

фрагментарно или в описаниях (напр., Залахтовы, кург. 236; Безьва, кург. 14, погр. 1; Люцинский могильник [Спицын, 1903, с. 31] и др.). К сожалению, подробная полевая документация имеется не по всем комплексам, а потому очевиден дефицит информации о наличии подвесных ремешков и месте наконечников, если их на поясе более одного. Реконструировать пояса можно по находкам из кладов, обнаруженных на территории Прибалтики и Финляндии [Urtans, 1977, L. 210, att. 118; Мугуревич, 1965, табл. XVI, 10; Lehtosalo-Hilander, 1982, p. 154, fig. 42]. Пояса состояли из трех, редко двух, кожаных ремней шириной 1,5 – 2 см, соединенных бронзовыми кольцами. Ремни загибались через кольца и крепились при помощи бронзовых обоймиц и наконечников или накладок со шпеньком длиной 4 мм, которая соответствовала двойной толщине ремня. Пояса, имевшие односоставную бронзовую пряжку со щитками разных форм, украшали бронзовые накладки, которых иногда было до 40 шт. Накладки могли равномерно распределяться по всей длине пояса или украшать только его переднюю часть. Часто на одном поясе крепились накладки нескольких видов, однако, один всегда численно преобладал. Накладки, представленные в небольшом количестве, использовались для крепления колец-разделителей и, возможно, концевых ремешков. Свободный конец пояса, который мог спускаться до середины бедра, или вообще не украшали накладками и снабжали лишь металлическим наконечником, или оформляли несколькими накладками, закрепив их на конце ремня непосредственно перед наконечником.

Пояса описанного типа появились несколько позже остальных. Наиболее ранние их образцы, относящиеся к концу X в., обнаружены в могильниках Гнездовском под Смоленском (кург. Ц-191; гибриды с венгерской конструкцией [Мурашева, 1997, с. 76 – 77]) и Юмском в бассейне р. Вятки (погр. 5) [Архипов, 1973, с. 36]*. Эти пояса состоят не из трех, а из пяти ремней и имеют больше колец-разделителей, но принцип их конструкции такой же, как у пояса из Минино.

Основная масса таких поясов относится к XI – XII вв. Можно предположить, что пояса данного типа впервые появились в Прибалтике, а их прототипами были многочисленные местные уздечные наборы и восточно-балтийские составные пояса с кольцами и гладкими пластинчатыми накладками различных форм [Urtans, 1977, L. 210, att. 118; Lehtosalo-Hilander, 1982, v. 2, p. 151, fig. 41]. Подобные пояса распространены на Готланде, в Финляндии и Карелии [Thunmark-Nulén, 1995, abb. 101, 146, 381, 395, 396, 429 etc.; Kivikoski, 1973,

abb. 891]. Они встречаются также в погребальных памятниках латгалов [Древности Северо-Западного края, 1893], на Северо-Западе Древней Руси (могильники Удрай II на р. Луге, Унотицы на Ижорском плато) и в курганных группах в Подмоскowie (Каблуково, Черемушки, Тушино) [Савков, 1940, с. 82, рис. 4, 5].

Можно предположить, что Готланд был тем местом, где идеи уздечных наборов и балтийских поясов получили новое воплощение в поясах с кольцами-разделителями и рельефными бляшками. В XI в. пояс из трех ремней распространяется в регионах, связанных с прибалтийским миром: от Швеции до Суздальского Ополья, по волжскому пути достигает Ветлужско-Вятского края. Пояса и предметы гарнитуры начинают импортироваться и в какой-то мере тиражироваться на местах. Не исключено, что такие пояса делали по образцам и в древнерусских городах Новгороде и Пскове*.

Керамические писанки в древнерусских погребальных комплексах

К числу редких для древнерусских могильников вещей, найденных на могильнике Минино II, принадлежит глиняное яйцо-писанка, покрытое поливой с чередующимися черными и желтыми полосами. Писанка сопровождала погребение ребенка в возрасте от полугода до года (погр. 22, рис. 14). Комплекс вещей из этой могилы включал также браслетообразное височное кольцо, 40 стеклянных бусин (зонные черные, зеленые и желтовато-белые), денарий с медным пластинчатым ушком (Фризия, Эмден, граф Генрих, 1020 – 1051 гг.), маленький железный нож с остатками деревянной рукояти, находившийся в кожаных ножнах, прошитых узкой бронзовой полоской, и три бронзовых грушевидных крестопрорезных бубенчика (рис. 15). Большинство бусин расчищено в области черепа и грудной клетки, очевидно, они вместе с монетой-подвеской входили в состав ожерелья. Нож и бубенчики располагались в области живота и берцовых костей, вероятно, они были прикреплены к поясу. Писанка лежала справа, около коленной чашечки. Судя по составу украшений, в могиле была погребена девочка. Хронологические рамки захоронения могут быть определены в пределах второй половины XI – первой четверти XII в.

Вопросам географии распространения, хронологии, производства и назначения керамических поливных писанок посвящено много публикаций [Макарова, 1967; Gabriel, 1988]. Последний обзор исследований вещей этой категории написан В.В. Седовым [1998].

* Г.А. Архипов подчеркивает, что данный пояс уникален для марийских могильников IX – начала XI в., в которых пояса имеются практически в каждом мужском погребении [1973, с. 36].

* Мнение о том, что центр изготовления поясов из трех ремней с кольцами-разделителями находился в Новгороде, недавно было высказано К.А. Михайловым и В.Ю. Соболевым [2000, с. 226 – 227].

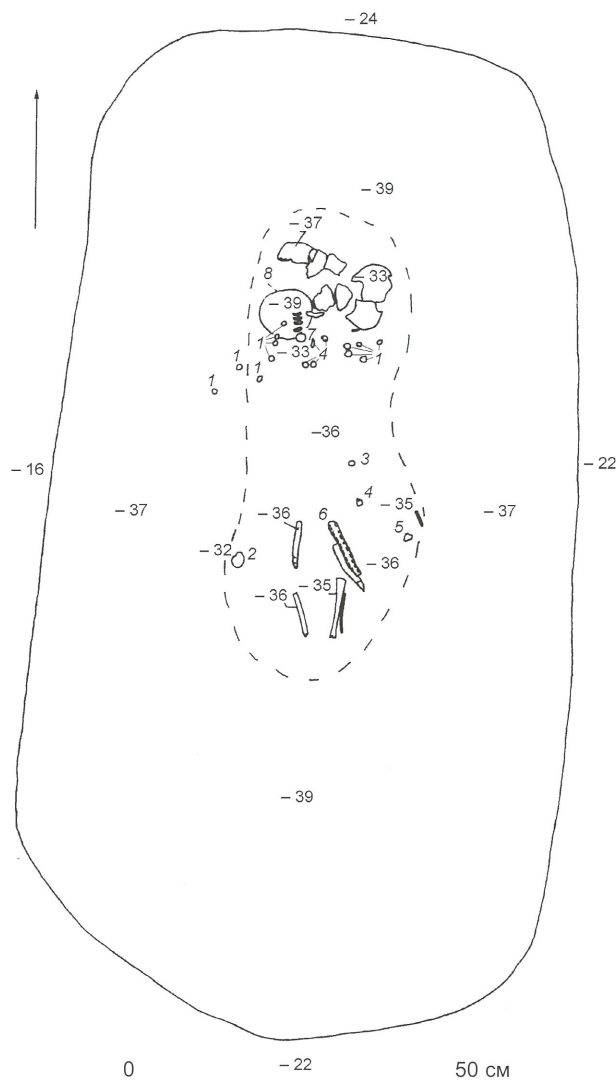

Рис. 14. План погр. 22 могильника Минино II.

1 – бусины стеклянные; 2 – писанка керамическая; 3 – 5 – бубенчики бронзовые; 6 – нож железный в кожаных ножнах; 7 – подвеска из серебряного денария; 8 – бронзовое височное кольцо.

Считается общепризнанным, что в XI–XII вв. эти вещи получили распространение в основном в восточно-славянском мире, хотя значительные их серии найдены в Польше и западно-славянских землях между Эльбой и Одером, отдельные находки зафиксированы в Скандинавии. Как показала Т.И. Макарова, писанки делали в Киеве, Новгороде и, возможно, Рязани [1967]. Предполагается, что их могли изготавливать и на территории Польши [Седов, 1998]. Назначение этих вещей пока не совсем понятно. К. Яжджевский предположительно атрибутировал писанки, найденные в Лютомерском могильнике, как детские погремушки [Jażdżewski, 1951, str. 145 – 146]. Многие исследователи связывают писанки со славянскими языческими верованиями и

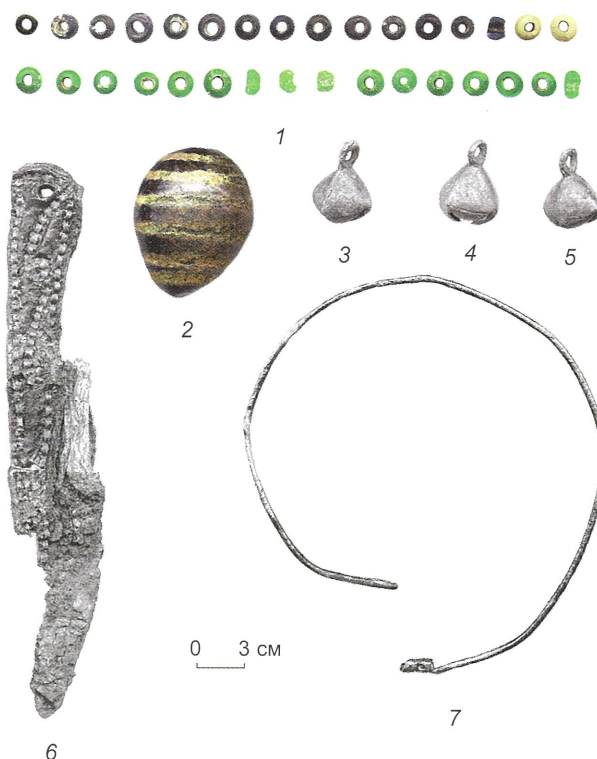

Рис. 15. Вещевой материал из погр. 22 могильника Минино II.

1 – бусин; 2 – писанка; 3 – 5 – бубенчики; 6 – ножны;
7 – височное кольцо.
1 – стекло; 2 – керамика; 3 – 5, 7 – цветной металл;
6 – кожа, цветной металл.

обрядами. Этой точки зрения придерживается, в частности, В.В. Седов, указывая, что писанки были распространены на тех территориях, где языческие верования были наиболее стойкими [1988]. М. Мюллер-Вилле писанки, найденные на Балтике, считает свидетельствами посещений греко-православными христианами севера Европы [Müller-Wille, 1997, S. 420] и вслед за И. Габриэлем полагает, что они были наделены христианской символикой. В. Дучко, соглашаясь с предположением о проникновении технологии производства украшенных поливой писанок в Киев из Византии, не склонен связывать их с христианскими религиозными представлениями; он считает, что появление писанок в землях западных славян отражает некую общность в верованиях западных и восточных славян [Duczko, 1997, S. 293 – 297].

Прояснить вопрос о назначении писанок позволяет контекст находок на погребальных памятниках. Помимо погребения на оз. Кубенском нам известно пять погребальных комплексов, сопровождавшихся писанками. Два таких предмета найдены в погребениях Кемского некрополя на сопредельном с Кубенским Белом озере [Макаров, 1990, с. 149 – 150, 157] и три – в курганных могильниках на левобережье Днепра, на

юге Древней Руси [Хвойко, 1904, с. 40 – 48; Самоквасов, 1915, с. 32; Моруженко, Косиков, 1977, с. 281 – 289; Моця, 1990, с. 89, 91]. Наиболее подробно документированы погребения Кемского некрополя. Одно из них (погр. 2, кург. 8) сопровождалось богатым набором женских украшений – подвесками-амулетами и поливной чашечкой, второе (погр. 3, кург. 37) – ножом и топорищем-амулетом. Писанки обнаружены в районе костей ног погребенных. По найденным монетам, позднейшие из которых чеканены в 1068 – 1090-х гг., оба комплекса с наибольшей вероятностью датируются 1070-ми гг. Оба погребения детские, в одном из них находился костяк ребенка четырех – восьми лет, в другом – трех – пяти лет. Еще одно детское погребение, в котором зафиксирована писанка, лежавшая у кисти руки, покоявшейся в области поясничного отдела позвоночника, было исследовано в 1915 г. Д.Я. Самоквасовым в кург. 99 Гочевского могильника на р. Псел. В кург. 31 у д. Городное в междуречье Ворсклы и Северского Донца писанка была найдена в женском захоронении, сопровождавшемся предположительно погребением ребенка. Комплекс находок включал сосуд, выполненный на гончарном круге, сердоликовые бипирамидальные и стеклянные глазчатые бусы. Писанка расчищена у локтевых костей погребенной. В кург. 4 у с. Броварки на р. Псел, исследованном в 1904 г. В.В. Хвойко, писанку обнаружили в погребении, сопровождавшемся серебряным головным венчиком, спиральными височными кольцами, ожерельем из бус, фибулой и бронзовой цепочкой с бубенчиками. Керамическое яйцо обнаружено в районе костей ног. Антропологические материалы не определены, но судя по составу украшений, погребение принадлежало женщине. По бусам два последних комплекса датированы XI – началом XII в. [Моця, 1990, с. 89, 91]. Таким образом, из шести погребений с писанками четыре детские, а еще одно представляет собой предположительно совместное погребение женщины и ребенка. Все эти комплексы, верхняя дата которых не выходит за рамки первой половины XII в., образуют компактную хронологическую группу.

Учитывая, что по сопроводительному инвентарю детские погребения в Древней Руси в целом были намного беднее, чем погребения взрослых, наличие писанок в детских захоронениях на юге и севере восточно-славянского ареала трудно объяснить случайностью. Новые материалы указывают на то, что покрытые глазурью керамические яйца с камушком или глиняным шариком внутри представляют собой погремушки и именно в этом качестве были положены в детские могилы. Таким образом, следует признать справедливость атрибуции, некогда предложенной К. Яжджевским, но не получившей признания у специалистов. Присутствие писанок в женских погребениях в Лютомерском могильнике в Польше и Броварках на левобережье Днепра не противоречит этому определению,

особенно если допустить, что в женских могилах были захоронены новорожденные младенцы, останки которых не всегда удавалось проследить из-за плохой сохранности костей. Разумеется, подобная атрибуция не исключает возможности существования тех или иных религиозных представлений, связанных с этими предметами и определявших их использование в погребальном обряде.

Культурные процессы на северных окраинах Руси по материалам Мининского некрополя

Материалы могильника Минино II раскрывают сложную мозаику разнородных элементов, из которых в XI – XII вв. складывалась культура населения северной периферии Древней Руси. В этой культуре выражены общедревнерусские традиции, культурные элементы, связанные с Верхней Волгой, Балтийским регионом и поволжско-финскими областями. Как и многие другие локальные группы, обосновавшиеся на дальних окраинах древнерусского ареала, “мининцы” во многом зависели от ввоза товаров из метрополии и широко использовали в costume и среди обиходных вещей разнообразные привозные вещи. Однако, судя по контексту погребальных комплексов и составу находок на соответствующих могильниках поселений, обитатели периферии избирательно относились к вещам, поступавшим по торговым путям, и принимали лишь те из них, которые представлялись им подходящими для создания местных культурных форм.

Появление в XI в. у групп, населявших район озер Белого, Кубенского и р. Шексны, парадного костюма, изобилующего многочисленными металлическими украшениями, и становление погребального обряда, призванного демонстрировать материальные возможности и высокий статус умерших, – явления, заслуживающие специального анализа. По своей пышности и богатству металлический убор, сопровождавший женские (а иногда и мужские) погребения на северной периферии Древней Руси в XI – XII вв., намного превосходит синхронные комплексы из некрополей древнерусской метрополии – центральных районов Новгородской и Ростово-Суздальской земли. Этот феномен нередко трактуют как наследие финских традиций или свидетельство стойкости языческих верований в удаленных северных областях. Оба объяснения нельзя признать в полной мере удовлетворительными. Чтобы интерпретировать отмеченные явления, рассмотрим, во-первых, источники экономического благосостояния “мининцев”, во-вторых, происхождение населения, оставившего могильник вблизи устья р. Дмитриевки.

Благодаря раскопкам двух связанных с могильником селищ (Минино I и VI) и исследованию палеоэкологических материалов с этих памятников

мы располагаем данными о хозяйственных занятиях и источниках материального достатка обитателей мининского микрорегиона. Согласно результатам анализа палеозоологических, палеоботанических и палеопочвенных коллекций, средневековые насельники, располагая собственной сельскохозяйственной базой, обеспечивавшей их продуктами земледелия, в широких масштабах занимались пушным промыслом и торговлей мехами. Присутствие на одном из поселений железоделательного комплекса и следов ювелирного производства свидетельствует о том, что его обитатели самостоятельно изготавливали некоторые украшения и орудия труда. На территориях, окружающих мининское гнездо поселений, не выявлены другие локальные группы памятников, которые могли бы занимать низшее, подчиненное положение в иерархии поселений. Высокий материальный достаток, показателем которого являются высокая концентрация привезенных вещей в культурном слое мининских селищ и богатый набор украшений в погребениях, создавался не путем изыятия продуктов промысла у других средневековых коллективов или посреднических операций, а преимущественно благодаря собственным трудовым усилиям и эффективному использованию массива малоосвоенных территорий вокруг оз. Кубенского, пригодных как для пушной охоты, так и для сельскохозяйственной деятельности.

Возникновение средневекового поселения Минино I – центрального поселения мининской локальной группы – результат внешней колонизации, продвижения колонистов на значительное расстояние с юго-запада на северо-восток. Средневековое поселение возникло в конце X в. на неосвоенном участке как новый поселок и заняло площадку, на которой некогда располагались стоянки эпохи первобытности. В женских погребениях, составляющих наиболее раннюю группу в могильнике Минино II (погр. 16 – 19, 21), представлены украшения западных типов, тогда как украшения поволжско-финского облика отсутствуют. Наличие в четырех из названных погребений браслетообразных височных колец указывает на то, что по крайней мере часть средневекового коллектива, основавшего поселение в устье р. Дмитриевки, была представлена выходцами из верхневолжских областей. Возможно, в состав этого коллектива изначально входили и белозерские финны, погребения которых пока не выявлены. Однако средневековые поселения мининской локальной группы не связаны преемственностью с более ранними финскими расселенческими структурами на оз. Кубенском.

Своеобразие культуры “мининцев” и других средневековых локальных групп, занимавших периферийное место в древнерусском ареале, определялось не только соотношением финских и славянских элемен-

тов, сколько местной культурной идентичностью, формировавшейся путем осмысления собственного положения в географическом пространстве, этнополитических структурах и системе экономических связей. Представляется, что для этих групп было важно, с одной стороны, ощущать свою принадлежность к древнерусской цивилизации и включенность в общую сеть культурного и торгового обмена, открывавшую доступ к разнообразным достижениям метрополии, с другой – обозначить собственную консолидированность и отличия от других региональных групп, продемонстрировать высокие материальные возможности и социальную полноценность жителей окраин, в реальности занимавших подчиненное положение в иерархии древнерусских территориальных образований.

Эти противоречивые тенденции отчетливо прослеживаются в материалах Мининского некрополя. Признав особое значение престижных вещей для выражения культурной идентичности периферийных групп древнерусского населения, легко понять причины появления в мининских погребениях некоторых атрибутов дружинной воинской культуры (наборные пояса, подковообразные сумочки с накладками) или присутствие в женских погребениях XI в. бронзовых шейных гривен, воспроизводивших в более дешевом материале серебряные гривны парадного аристократического убора. Очевидно, в XII в. у северян формировались отчетливые представления о своей особой региональной идентичности, свидетельством чего стало массовое распространение в женском уборе шумящих и зооморфных украшений, редких в центральных районах Ростово-Суздальской земли.

Список литературы

- Алексеева Т.И., Макаров Н.А., Балуева Т.С., Сегеда С.П., Федосова В.Н., Козловская М.В. Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. – М.: Б.и., 1993. – С. 3 – 78.
- Архипов Г.А. Марийцы IX – XI вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола: Марий. кн. изд-во, 1973. – 198 с.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1990. – 162 с.
- Древности Северо-Западного края. Люцинский могильник // МАР. – 1893. – № 14. – 50 с.
- Ершевский Б.Д., Конецкий В.Я. Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // Новое в археологии Северо-Запада СССР. – Л.: Наука, 1985. – С. 61 – 64.
- Зайцева И.Е. Наборный пояс из могильника Минино-II на Кубенском озере // Новгород и Новгородская земля. – Новгород: Б.и., 1999. – С. 277 – 291. – (История и археология; Вып. 13).
- Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. – М.: Наука, 1982. – С. 156 – 177.

- Конечский В.Я.** Некоторые итоги исследования грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологические исследования Новгородской земли. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – С. 154 – 172.
- Кочкуркина С.И.** Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X – XIII вв. – Петрозаводск: Карелия, 1989. – 346 с.
- Кубенское озеро:** взгляд сквозь тысячелетия (Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса) / Отв. ред. Н.А. Макаров. – Вологда: Древности Севера, 2001. – 48 с.
- Кудряшов А.В.** Археологические памятники Средней Шексны X – XIII вв.: Автореф... канд. ист. наук. – М., 2001. – 15 с.
- Лесман Ю.М.** Хронология ювелирных изделий Новгорода // Материалы по археологии Новгорода. 1988. – М.: Б.и., 1990. – С. 29 – 98.
- Макаров Н.А.** Население Русского Севера в XI – XIII вв. – М.: Наука, 1990. – 216 с.
- Макаров Н.А.** Колонизация северных окраин Древней Руси в XI – XIII веках. – М.: Скрипторий, 1997. – 368 с.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е.** Новые исследования средневековых могильников на Русском Севере. Могильник Минино II на Кубенском озере // РА. – 1999. – № 4. – С. 163 – 179.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.** Средневековое расселение на Белом озере. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 496 с.
- Макарова Т.И.** Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. – М.: Наука, 1967. – 78 с. (САИ; Вып. Е1-38).
- Михайлов К.А., Соболев В.Ю.** Новгородские наборные пояса XI – XII вв. // Археол. вести. – 2000. – № 7. – С. 222 – 227.
- Моруженко А.А., Косиков В.А.** Курганы у с. Городное // СА. – 1977. – № 1. – С. 281 – 289.
- Моця А.П.** Погребальные памятники южно-русских земель IX – XIII вв. – Киев: Наук. думка, 1990. – 155 с.
- Мугуревич Э.С.** Восточная Латвия и соседние земли в X – XIII вв. – Рига: Зинатне, 1965. – 144 с.
- Мурашева В.В.** Реконструкция облика древнерусского наборного пояса X – XI вв. (по материалам “дружинных” курганов) // Тр. ГИМ. – М.: ГИМ, 1997. – Вып. 93. – С. 71 – 79.
- Мурашева В.В.** Наборные пояса Гнездова (проблемы реконструкции) // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. – М.: Editorial URSS, 1998. – Т. 4. – С. 252 – 257.
- Рябинин Е.А.** Зооморфные украшения Древней Руси X – XIV вв. // САИ. – 1981. – Вып. Е1-60. – 123 с.
- Рябинин Е.А.** Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л.: Наука, 1986. – 260 с.
- Савков И.В.** Курганы с. Черемушки // Сб. науч. студ. работ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1940. – Вып. 11: История. – С. 59 – 84.
- Самоковасов Д.Я.** Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии. – М.: Б.и., 1915. – 40 с.
- Седов В.В.** Браслетообразные височные кольца восточных славян // Новое в археологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – С. 138 – 144.
- Седов В.В.** Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска // КСИА. – 1976. – Вып. 146. – С. 87 – 95.
- Седов В.В.** Восточные славяне в VI – XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 327 с. – (Археология СССР).
- Седов В.В.** Писанки // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). – Минск: Веды, 1998. – С. 81 – 85.
- Седова М.В.** Ювелирные изделия древнего Новгорода (X – XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 193 с.
- Спицын А.А.** Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского // МАР. – 1896. – № 20. – 124 с.
- Спицын А.А.** Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова // МАР. – 1903. – № 29. – 124 с.
- Тухтина Н.В.** Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X – XIII вв. // Археол. сб. – М.: Сов. Россия, 1966. – С. 120 – 140. – (Тр. ГИМ; Вып. 40).
- Тухтина Н.В.** Курганный комплекс Кобожа-1 (бассейн реки Мологи) // Проблемы археологии Евразии. – М.: ГИМ, 1990. – С. 121 – 137. – (Тр. ГИМ; Вып. 74).
- Фоняков Д.И.** Об одной находке из древнерусского могильника в Торопце // КСИА. – 1986. – Вып. 187. – С. 62 – 65.
- Хвойко В.В.** Раскопки могильника при с. Броварки Гадячского у. Полтавской губ. // Древности. – М., 1904. – Т. 20; вып. 2. – С. 40 – 48.
- Duczko W.** Byzantine Presence in Viking Age Sweden. Archaeological Finds and their Interpretation // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8. – 14. Jahrhunderts. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. – Bd 1. – S. 291 – 292.
- Fodor I.** The ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. – Budapest: Hungarian National Museum, 1996. – 477 с.
- Gabriel I.** Hof – und Sakralkultur sowie Gebrauchs – und Handelsgut im Spiegel der Kleinfunde von Starigard/Oldenburg // Bericht der Romisch-Germanischen Kommission. – Mainz am Rhein, 1988. – Bd 69. – S. 103 – 291.
- Jążdżewski K.** Cmentarzysko wczesnośredniowieczne w Lutomerzu pod Łodzią w Świetle badań 1949 // Materiały Wczesnośredniowieczne. 1949. – Warszawa: Nakładem Państwowego Muzeum archeologicznego w Warszawie, 1951. – V. 1. – Str. 91 – 191.
- Kivikoski E.** Die Eisenzeit Finnlands. – Helsinki: OY Weilin+Göös AB, 1973. – 150 S. + 147 taf.
- Lehtosalo-Hilander P.-L.** Luistari. – Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 1982. – Pt 1: The Graves. – 491 p.; Pt 2: The artifacts. – 197 p.
- Müller-Wille M.** Relations between Byzantium and the North in the Light of Archaeology. Some concluding remarks // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8. – 14. Jahrhunderts. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. – Bd 1. – S. 405 – 422.
- The ancient Hungarians:** Exhibition Catalogue. – Budapest: Hungarian National Museum, 1996. – 477 p.
- Thunmark-Nulén L.** Die wikingerzeit Gotlands. – Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och Antikvets Akademien, 1995. – 396 S.
- Urtans V.** Senākie depoziti Latvija. – Riga: Zinatne, 1977. – 283 L.